

словообразовательных трудностей: *wychylił się z za lasu Pryhorek* – *показалась из-за роуци* – *наказаўся з-за прыгоркаўскага лесу*;

- амплификации имени, обусловленной восстановлением имени в контекстуально или ситуативно неполных конструкциях (*Niech będzie pochwalony...* – *Хай будзе пахвалёны...* – *Слава Иисусу Христу...*);

- изменению объема воспринимаемых реципиентом макро- и микрокомпонентов семантической структуры имени (*Jakub Szyszko* ‘национальность, происхождение’ – *Якуб Шышка* – *Якуб Шышка* ‘особенности характера, внешности, положения’).

Заключение. По мнению Платона, «истинное имя способно приблизиться к Идее и даже выразить ее,...заглянув тем самым в абсолютное знание [2, с. 38]». Подробное рассмотрение элементов ономастического поля в их взаимосвязи в горизонтальной и вертикальной плоскости позволяет глубинные элементы заложенного автором произведения смысла. Если же «первый или любой другой автор имен начинается с ошибки в именовании», то, следуя логике Сократа, можно предположить, что «всё его начинание» может оказаться «неверным и неистинным [2, с. 23]». Выявленные и описанные нами транслационные изменения исходного ономастического кода (зачастую неизбежные) влекут за собой деформацию идеи всего текста.

Список литературы

1. Ажэшка, Э. Дзюрдзі / Э. Ажэшка // Выбраныя творы / уклад.: В. Гапава. – Мн.: “Беларускі кнігазбор”, 2000. – С. 129 – 260.
2. Гурко, Е.Н. Божественная ономотология: Именование Бога в имяславии, символизме и деструкции / Е.Н. Гурко. – Минск: Экономпресс, 2006.
3. Ожешко, Э. Дзюрдзи / Э. Ожешко // Избранное: Повести. Роман. – Мн.: Наука и техника, 1985. – С. 127 – 274.
4. Orzeszkowa, E. Dziurdziowie / E. Orzeszkowa. – Warszawa: „Czytelnik”, 1975. – 192 s.

ЖИВАЯ СТАРИНА: СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ БЫЛИЧЕК ВИТЕБСКОГО ПООЗЕРЬЯ

В.Н. Поклонская

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В настоящее время в фольклористике одним из основных направлений являются региональные исследования, поскольку происходит стремительное разрушение локальных устно-поэтических структур, которое выводит из поля зрения ученых всё большее число фольклорно-этнографического материала. Данное обстоятельство может сделать невозможным как исследование местной народной культуры, так и вопросов межкультурного сотворчества белорусов с другими братскими народами.

Именно это определяет актуальность нашей работы, цель которой – изучение особенностей функционирования несказочной прозы, в частности, быличек Витебского Поозерья.

Теоретическую основу исследования составили положения, выдвинутые белорусскими фольклористами, а также сравнительно-теоретический метод.

Былички генетически связаны с мифологическим мышлением, опирающимся на ассоциативно-образную логику, синкретическую картину мира, которая, по сути дела, «...не хочет различать часть и целое, сходное и тождественное, видимость и сущность, имея пространство и время, прошлое и настоящее, мгновение и вечность» [1, 85].

Вот почему былички бытовали всегда, они неотделимы от народной жизни, от традиционной культуры восточных славян, соединили в себе дохристианское и христианское начала. К сожалению, былички долгое время не изучались. Считалось, что эти народные рассказы, повествуя о сверхъестественном, «... не созвучны мировоззрению советского человека» [2, 176], напоминают о сохранившихся в сознании отдельных людей «предрассудках, суевериях» [3, 188].

Интерес к быличкам закономерен, потому что они переживают период своего возрождения. И здесь удивляться не приходится, ибо с развитием цивилизации и накоплением человечеством огромнейших знаний об окружающем мире он по-прежнему остаётся для нас необозримым, полным тайн и предстоящих разгадок.

Так как состав быличек формировался веками [4, 94], то их источники могли быть самыми разнообразными. Несомненно одно: в них заложен длительный жизненный опыт народа, его стремление изведать неизведанное, зафиксировать нечто, открывшееся нечаянному взору в запоминающихся художественных образах. Свидетельство тому – собранный за последние десять лет (2002 – 2012 гг.) материал, вошедший в сборник «Былички Белорусского Поозерья». Записи были осуществлены в регионе белорусско-русского пограничья, поэтому есть тексты и на белорусском, и на русском языках. Последние доминируют. Исполнители – люди разных национальностей и разного вероисповедания, разного уровня образования и пола, разных возрастов и профессий. Все 134 былички оригинальные, они ранее не включались в фольклорные издания. Что касается их редактирования, то оно осуществлено весьма корректно.

Тексты быличек Витебского Поозерья подтверждают устоявшееся в науке мнение [3, 186], что былички следует делить на два типа: былички в форме повествования о том, что пережил рассказчик или кто-либо из его современников недавно; былички о пережитом самим рассказчиком, возможно, его родственниками, знакомыми в отдалённом прошлом.

Мифологические персонажи, встречающиеся в быличках, многообразны: черти, лешие, водяные, русалки, колдуны и колдуньи, ожившие мертвецы, домовые и др.

Нам представляется, что данный набор позволяет использовать принцип классификации, который при всей его условности приемлем и для первого, и для второго типа быличек: 1. О чертях и чертовщине (37); 2. О колдунах, колдуньях и хитрых людях (28); 3. О покойниках и душах усопших (34); 4. О леших, водяных, русалках, домовых (28); 5. О полтергейстах (3); 6. О добрых духах (4).

Как видим, преобладающее количество быличек – в первой и третьей группах, равное количество – во второй и четвёртой, в пятой – всего три, в шестой – четыре. Это подчёркивает специфику народных представлений о характере вмешательства в повседневную жизнь и быт неземной, потусторонней силы. Причём былички о добрых духах нетрадиционные, в них просматривается новая тенденция бытования столь уникального фольклорного жанра.

Былички (за редким исключением) отличаются краткостью. По структуре они односюжетны. Состоят в основном из двух частей. Композиция обычно начинается с экспозиции, далее идёт завязка, наконец, кульминация и развязка.

Установка на достоверность, с одной стороны, и на неопределённость, вызывающую мистический ужас, с другой, обеспечивает быличкам постоянство в системе образов: рассказчик (он пассивен), сверхъестественная сила (она активна). Их «портреты» отсутствуют, а если появляются, то ограничиваются отдельными штрихами: «Звалі яго Грак, што быў ён чорны: і валасы, і вочы»; «Лицо старухи поросло седым волосом, подбородок заметно выдавался вперёд»; «Приближается в ступе существо. В руках помело, волосы длинные, зубами щёлкает»; «Нос у нябожчыцы адгрызены, вачніцы пустыя»; «Перада мной была нейкае істота: на дзвюх нагах, рукі доўгія, пальцы кастлявыя, нос маленькі, рот вялікі, усё цела пакрыта поўсцю».

Хронотоп быличек Витебского Поозерья укладывается в общепринятые рамки: лес, поле, болото, вода, кладбище, дом, баня и т.д., чему сопутствуют ночь и сумерки. Отсюда пейзаж в них не совсем чёткий, зловещий. Картины природы усиливают эмоциональный настрой, а порой и трагизм ситуации, безысходность.

Быличкам присущ момент внезапности, когда в реальной обстановке раскрывается что-то ошеломляющее, но не вымышленное, а действительно сверхъестественное: «Вераснёўскім днём адзін рыбак, падпіўшы, вяртаўся дадому. Ім жыла. Злева ад дарогі, да ракі, быў круты абрыў. Адразу нешта зашумела, загудло, і ён убачыў вялізную чорную птушку. Яна пралятала над ім, узмахваючы шырокімі крыламі і спрабуючы скінуць яго з абрыву. Ён лёг на зямлю і пачаў чытаць: «Ойча наш ...» Птушка паляцела».

Важно, что происходящее в быличках постоянно удостоверяется очевидцами, ссылками на свидетелей, на вещественные доказательства и прикреплённость к определённой местности: «Гэту гісторыю я пачула ад сваёй мамы»; «Моя бабка Варвара расказывала мне, што в Зарянском озере в тридцатые годы затонула церковь»; «В прошлом году накануне Дедов я легла спать, как обычно, со своей сестрой Анютой»; «В Пальминке Авдотью Подкорытову никто из соседей не жаловал. Поэтому старались с ней не связываться»; «Было мне тады пятнаццать гадоў. Памятаю ўсё да драбнючкіх падрабязнасцяў, быццам гэта ўчора здарылася»; «В то утро бабушка Таня разбудила внука пораньше, чтобы оправить с пастухом в поле. Налила в бутылку молока, к ней добавила две картофелины, выдернула луковичку»; «У Білева памёр Косця Самахвалаў».

И хотя таинственность содержания быличек Витебского Поозерья придаёт им особую остроту и драматизм, эта живая старина органично сочетает в вымысле выразительность и пластичность. Перечитывая былички, нетрудно убедиться, что в лучших своих образах они составляют непреходящую ценность современной народной культуры.

Изучение жанра быличек проводилось в рамках научно-исследовательской темы «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние (договор № Г 10 РП-009 от 2.05.2010). Результаты проделанной работы обсуждались на заседании проблемной комиссии, в ноябре 2011 года был сделан доклад «Былички Белорусского Поозерья: поэтика жанра» на заседании «Круглого стола» в Смоленском государственном университете.

Список литературы

1. Мечниковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.
2. Померанцева Э.В. Русская народная проза. – М., 1985.
3. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. – М., 1983.
4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. – М., 1994.